

Государственная политика в образовательной миграции как механизм наращивания человеческого капитала: сравнительный анализ международных моделей

Заявка № 1674570

Работа посвящена государственной политике в сфере международной образовательной миграции и рассматривает её не как «сопутствующий» элемент интернационализации университетов, а как самостоятельный механизм наращивания человеческого капитала, влияющий на долгосрочную конкурентоспособность экономики. В основе исследования – идея о том, что современные потоки студентов становятся одной из наиболее быстро растущих форм международной мобильности, а для принимающих стран они представляют «входной канал» отбора и закрепления будущих квалифицированных работников, исследователей и предпринимателей, то есть прямой источник роста производительности и инновационной активности (Weber & Van Mol [1]; IOM [2]).

Эмпирическая значимость темы подтверждается масштабом явления. По оценкам международных источников, в 2022 году число международно мобильных студентов составляло около 6,9 млн человек (IOM [2]; UNESCO [3]). Параллельно общее число студентов высшего образования в мире достигло 264 млн человек по новым данным UNESCO (UNESCO [4]). Динамика последних десятилетий подчёркивает структурный сдвиг: между 1998 и 2018 годами количество международных студентов выросло на 186%, тогда как общий контингент высшего образования – на 152% (Weber & Van Mol [1]). Это означает, что государствам всё чаще приходится конкурировать за человеческий капитал «на входе» – ещё на стадии обучения, а не только через классические каналы трудовой миграции.

Цель работы – системно сопоставить международные модели государственной политики в образовательной миграции и выделить устойчивые конфигурации инструментов, через которые государства конвертируют приток студентов в прирост человеческого капитала. Исследование решает четыре взаимосвязанные задачи:

- определить место образовательной миграции в современной архитектуре миграционной и образовательной политики;
- выявить наборы инструментов по траектории «привлечение – удержание – возвращение» и сравнить их эффективность в разных группах стран;
- классифицировать государства по логике управления образовательной мобильностью (модели), исходя из комбинации целей, институтов и инструментов;
- показать, каким образом выбранная модель формирует общественные эффекты – от инноваций и рынка труда до социальной интеграции и международной кооперации (OECD [5]; OECD [6]).

Сильная сторона работы – опора на сопоставимую международную статистику и на первичные аналитические источники, отражающие реальные управленческие практики. В части измерений используются рамки и определения международной сопоставимости (например, различие «international students» и «foreign students», проблемы прокси-переменных и сопоставимость учёта), которые прямо заданы методологией OECD (OECD [7]; OECD [5]). Это позволяет не «пересказывать кейсы», а сравнивать режимы политики как институциональные пакеты – через цели, условия доступа, режимы пребывания, траектории перехода к занятости и механизмы интеграции.

Ключевой результат, который формирует научную новизну, – выделение трёх устойчивых международных моделей государственной политики в образовательной миграции

(типология), каждая из которых задаёт собственную логику накопления человеческого капитала.

Первая модель – «англоязычные хабы» (сильный рыночный контур и высокий спрос на обучение, увязанный с иммиграционными режимами). Она строится на масштабировании притока через привлекательность образовательного рынка и на усиленной «конверсии» выпускников в резидентов рынка труда. В странах ОЭСД доля международных/иностранцев студентов в среднем составляла 11,5% от контингента третичного образования в 2023 году, что показывает институционализацию этого канала как части человеческого капитала (ОЭСД [8]). При этом в 2024 году ОЭСД фиксирует снижение притока международных студентов в страны ОЭСД – более 1,8 млн новых международных студентов, на 13% меньше, чем в 2023 году, что подчёркивает чувствительность модели к визовым и регуляторным изменениям (ОЭСД [6]). То есть политика в этой модели балансирует между экономикой образования, миграционным контролем и потребностями рынка труда.

Вторая модель – «неанглоязычные принимающие страны» (сильная роль государства и институтов интеграции, ставка на управляемую селекцию). Здесь конкурентоспособность достигается не только «масштабом притока», но и качеством закрепления – через целевые программы, признание квалификаций, языковые и адаптационные механизмы, а также через институциональные мосты между университетом и работодателем (ОЭСД [5]). В логике этой модели политика ориентирована на снижение транзакционных издержек для студента и работодателя – чтобы человеческий капитал, созданный в системе образования, не «вытекал» сразу после выпуска.

Третья модель – «страны-доноры» (ориентация на минимизацию потерь и на реинтеграцию капитала через возврат и циркуляцию). В рамках этой логики государственная политика не ограничивается задачей «сдержать отъезд», а перестраивается в режим «brain circulation» – создание стимулов для возврата, поддержание связей с диаспорами выпускников, запуск каналов совместных исследований и транснациональных карьер, когда выгоды от образовательной мобильности реализуются даже при неполном возвращении (Weber & Van Mol [1]). Важный теоретический элемент здесь – эмпирически подтверждаемая «инвертированная U-связь» между уровнем развития и исходящей студенческой мобильностью: по мере роста возможностей и амбиций мобильность сначала растёт, а затем меняет характер (Weber & Van Mol [1]). Это позволяет объяснить, почему «универсальные рецепты» политики не работают одинаково для стран разных уровней развития.

Практическая значимость исследования состоит в том, что типология моделей позволяет переводить дискуссию о студентах из уровня лозунгов («нужно больше иностранных студентов») в уровень управленческих решений: какие именно инструменты нужны, чтобы приток стал приростом человеческого капитала, а не временным статистическим эффектом. Работа показывает, что эффективность политики определяется не отдельной мерой, а «связкой»: правила приёма и финансирования – режим пребывания – условия доступа к стажировкам и рынку труда – признание квалификаций – механизмы интеграции и, при необходимости, инструменты возврата/циркуляции (ОЭСД [5]; UNESCO [3]).

Итоговый вывод, к которому приводит исследование, – образовательная миграция должна рассматриваться как элемент стратегии человеческого капитала на уровне государства. Там, где политика строится вокруг полной траектории «привлечение – удержание – (возврат/циркуляция)», образовательные потоки становятся ресурсом модернизации экономики и институтов. Там же, где политика фрагментарна, страна получает лишь «временное присутствие» студентов без устойчивого эффекта для рынка труда и инноваций. Выделение трёх моделей и их инструментальных профилей формирует основу для дальнейших прикладных рекомендаций, адаптируемых под национальные цели и

институциональные ограничения (OECD [7]; OECD [6]; Weber & Van Mol [1]).

Источники и литература

- 1) Weber, T., & Van Mol, C. (2023). The student migration transition: an empirical investigation into the nexus between development and international student migration. *Comparative Migration Studies*.
- 2) International Organization for Migration. (2024). *World Migration Report 2024 – Chapter 2: International students*.
- 3) UNESCO. (2025). *Global Convention on Higher Education – facts and figures (internationally mobile students; global tertiary enrolment)*.
- 4) UNESCO. (2025). *Record number of higher education students highlights global need for recognition of qualifications (264 million tertiary students)*.
- 5) OECD. (2023). *Education at a Glance 2023*.
- 6) OECD. (2025). *International Migration Outlook 2025*.
- 7) OECD. (n.d.). *International student mobility – indicator definition and measurement notes*.
- 8) OECD. (2023). *Education GPS – Student mobility indicator explorer*.
- 9) Chellaraj, G., Maskus, K. E., & Mattoo, A. (2008). *The Contribution of International Graduate Students to U.S. Innovation. Review of International Economics*.